

О необходимости символов веры

Мы живем в эпоху пренебрежения символами веры. Консервативно мыслящие христиане вообще склонны преуменьшать их значимость. При этом многие не просто отвергают символы веры, - считая, что они никак не способствуют утверждению библейского христианства, - но даже полагают, что они прямо противоречат ему. Назовем условно такую позицию “*антисимволизмом*”.

Вероятно, в том, что преобладает именно такое отношение к символам веры, повинны многие факторы. Вот некоторые из них: все возрастающее влияние на умы модных релятивистских и экзистенциалистских течений утраченное ощущение значимости истории; стремление соблюсти такие демократические завоевания, как отсутствие насилия над личностью и свобода совести; растущая тенденция к упрощенчеству - и многое другое. Пожалуй, в основе этой фундаменталистской позиции неодобрения, распространившейся столь широко, лежат, главным образом, опасения, что строгие рамки символа веры неизбежно ограничивают достаточность Писания. Похоже, что лозунг “Не символ веры, но Библия” призван утвердить главенство Библии в религиозных делах таким образом, чтобы окончательно и бесповоротно дискредитировать символы веры.

В одной книге, автор которой обрушивается на символы веры с резкой критикой, сказано: *“Чтобы прийти к истине, мы должны освободиться от религиозных предрассудков, гнездящихся в сердцах и умах. Дадим возможность Богу говорить Самому за Себя... Признать истину за Богом - значит оставлять за Ним последнее слово, предоставить Ему дать ответ на вопрос: что есть истина, освобождающая человека. А это означает - признавать Слово Его, то есть Библию, единственной непреложной истиной. В поисках этой истины мы должны обращаться к Библии.”* Автор книги напрочь отвергает символы веры, с презрением именуя их “людской традицией”, “заповедями человеческими” и “мнениями”.

Такие воззрения весьма характерны для многих “антисимволистов”, и особенно для тех, кто придерживается фундаменталистской позиции. С их точкой зрения на “символизм” приходится считаться, ибо фундаментализм сегодня представляет собой одно из влиятельнейших

течений в христианских кругах Америки и является, так сказать, духовным “собратом” реформатского вероучения. Следовательно, очень важно, чтобы сторонники традиционного пресвитерианства ясно представляли себе место и роль символов веры, - это поможет им отстоять библейскую целостность своего учения. Наше краткое исследование предлагает вниманию читателя два заслуживающих особого внимания аспекта “символизма”: 1) связь символа веры с Писанием и 2) назначение символа веры.

I. Связь символа веры с Писанием

Мы обязаны с самого начала признать, что положения символа веры *не притязают* на некую самостоятельную истинность. Они вытекают из единственного источника и эталона христианской истины - Библии, непогрешимого и непреложного Слова, исходящего от Бога живого, - и подчиняются ему.

Само словосочетание “символ веры” призвано рассеять сомнения, бытующие в “антисимволистских” кругах. Соответствующее латинское слово “*credo*” означает попросту: “Верую.” Итак, символ веры - это ее утверждение. И, как таковое, оно нисколько не умаляет авторитетности Слова Божия, как не умаляют ее такие утверждения, как: “Я верю в Бога” или “Верю в воскресение Христа.” По сути дела, подобные утверждения сами по себе уже являются символами веры - пускай и очень краткими.

Каждый, кто так или иначе размышляет о Боге, имеет свое собственное представление о Нем, свою “систему верований”, свое “крedo”, пусть и не существующее в письменном виде. И, конечно же, никак нельзя утверждать, что это обстоятельство подрывает главенствующее положение Библии. Тем же, кто заявляет, что символы веры принижают авторитет Библии, так как косвенным образом указывают на ее несовершенство, мы столь же уверенно возразим, что и проповедника, разъясняющего, что хотел сказать Христос, можно с одинаковым успехом обвинить в том, что своими разъяснениями он косвенно уличает в несовершенстве слова Самого Христа. Ясно, что это будет заведомо ложное заявление.

Те, кто обвиняет пресвитериан в приверженности Вестминстерскому Исповеданию веры (далее - ВИВ. - Прим. перев.), должны раз и навсегда осознать, что это исповедание всего лишь *извлечено* из Библии и *подчинено* ей. Оно не только всячески демонстрирует и решительно подчеркивает свою абсолютную зависимость от Писания, но и допускает - и даже поощряет нас! - апеллировать к высочайшему авторитету - Библии. Вот как свидетельствуют об этом параграфы 4 и 10 первой главы ВИВ: “Авторитет Священного Писания, которому должно верить и подчиняться, зиждется не на свидетельстве какого-либо человека или церкви, но всецело на Боге (Который есть сама

истина) - Авторе Священного Писания; и поскольку священное Писание есть Слово Божие, оно должно быть принято.” “Высший Судия, к Которому должно обращаться за разрешением всех спорных вопросов, касающихся веры, и Которым проверяются все постановления соборов, мнения древних писателей, учения человеческие и личные откровения, и на суждениях Которого мы должны основываться, может быть не кто иной, как Святой Дух, говорящий в Писании.” Далее, в разделе 31:2 ВИВ говорится о деятельности церковных органов (в частности, о создании символов веры) и об относительном характере их власти. Действия их могут быть правомерными, только если они “находятся в согласии со Словом Божиим”. Таким образом, Вестминстерское Исповедание веры, как истинный символ веры, на деле провозглашает авторитет Писания высочайшим и не имеющим себе равных.

Хотя в Писании и нет заповеди, которая прямо гласила бы: “Создавай символы веры!”, тем не менее импульс, побуждающий “символистов” к этому, от Писания же исходит; именно на выводах из Писания они основывают не только возможность, но и необходимость создавать символы веры. Тому есть множество наглядных подтверждений. Здесь достаточно будет привести лишь три таких подтверждения.

Во-первых, *Библия призывает нас во всеуслышание свидетельствовать о своей вере, что служит главным основанием для “символизма”*. Важнейшее призвание христианина - нести благую весть (Деян. 1:8). Это подразумевает публичное провозглашение подлинности того, о чем свидетельствует христианин. Невозможно, разумеется, подробно изложить все, что сказано в Писании, как только для этого представится случай. К тому же один только Бог властен пронизать помышления сердца человеческого и судить о том, истинна ли его вера (1Цар. 16:7; Лк. 16:15). Для того же, чтобы люди могли узнать о чьей-то личной вере, необходимо облечь ее в слова. “Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению” (Рим. 10:10). Отсюда и необходимость создавать символы веры, в которых сжато излагается суть верования.

Во-вторых, как будет явствовать из дальнейшего, *“малые” символы веры присутствуют в библейских свидетельствах времен апостольского христианства*. Семена “символизма”, расцветшего

впоследствии пышным цветом, были посеяны еще в эпоху апостолов, когда широко употреблялись краткие формулы-исповедания веры. Наверное, наиболее знакомым покажется нам элементарный символ веры, который встречается в посланиях к Римлянам 10:9, 1 Коринфянам 12:3 и Филиппийцам 2:11 и который можно сформулировать так: “Иисус Христос есть Господь”. Это выдающееся по своей важности утверждение воплощает - или, если угодно, “символизирует” - особое представление об Иисусе Христе. Было насущно важно придерживаться этого твердого убеждения, то есть провозглашать: “Верую, что Иисус есть Господь.”

В третьих, *Писание несомненно свидетельствует о том, что собрания ранней церкви переделывали и исправляли формулировки общеизвестных истин, заботясь о сохранности их точного смысла и о том, чтобы они передавались дальше в своем доподлинном виде.* Классическим примером тому служит глава 15 книги Деяний. В ней описано, как Церковь сочла нужным заявить об “оправдании верой” в ответ на требование о необходимости обрезания язычников, которое настойчиво выдвигали новообращенные фарисеи (см. Деян. 15:1). Отмечая подобные ситуации в Писании, шотландский теолог-пресвитерианин 19-го века Джеймс Баннерман делает следующее наблюдение: “Таковы явившиеся еще во времена сошествия Духа замечательные примеры необходимости, продиктованной обстоятельствами, в которых оказывались Церковь и ее члены в разные годы, - необходимости, требовавшей, чтобы библейские доктрины были заново отлиты в новой матрице, представлены и изъяснены сызнова, - тем языком и теми выразительными средствами, какие наиболее действенно могли бы противостоять ошибкам и заблуждениям, накопившимся с течением времени” (Баннерман, “*The Church of Christ*”, I:294).

Итак, совершенно ясно, что концепция “символизма” проистекает из самого Писания. Отсюда следует, что создание символов веры никоим образом не может быть истолковано как действие, само по себе подразумевающее или побуждающее нас преуменьшать значимость или достаточность Писания.

II. Назначение символов веры

Выше мы уже вскользь упомянули о том, что функции символов веры весьма многообразны. Перечислим и объясним теперь шесть важнейших из них, сосредоточившись на специфически церковных сторонах этих функций. Разумеется, символы веры включают и более широкие социально-культурные аспекты, но не они являются предметом настоящего исследования.

Во-первых, *символы веры служат основой для общения и совместных трудов в лоне церкви.* “Пойдут ли двое вместе, не сговорившись между собой?” (Ам. 3:3) Совместные труды идут успешнее, а жизнь церкви как единого тела протекает в большей согласии, если церковь исповедует единую веру. Поэтому совершенно необходимо, чтобы основы веры, сжато и точно изложенные, были общедоступны - как общедоступен изложенный письменно символ веры.

“Антисимволистская” позиция фундаментализма несостоятельна сама по себе, то есть на теоретическом уровне; весьма уязвима она и на уровне практическом. Ее теоретическая несостоятельность ясно видна уже из самой формулировки: “Не символ веры, но Библия”, что, по сути дела, *уже есть символ веры.* На самом деле эта формула означает: “Я не верую в символы веры”. Или, иными словами, “*Мой символ веры не приемлет символов веры*”. Далее, это теоретическое утверждение неприменимо на практике. Даже широко известная своей “антисимволистской” позицией Церковь Христа - и та требует своеобразного исповедания веры от лиц, стремящихся занять руководящие позиции в общине. Сторонник крещения детей, кальвинист, ни в коем случае не будет допущен к служению в этой церкви.

Нет никакого сомнения в том, что “антисимволизм” несет в себе серьезную угрозу чистоте учения, поскольку *в принципе* допускает существование в церкви любых доктрин. Цитата, приведенная в третьем абзаце нашего исследования - невзирая на весь ее благочестивый тон и характер, который охватывает широкий круг христианских истин, - взята непосредственно из публикации, принадлежащей Свидетелям Иеговы и озаглавленной: “*Признаем истину за Богом*”. Основная мысль этой цитаты сводится к

пресловутому: “Не символ веры, но Библия!” Несмотря на то, что Свидетели Иеговы готовы подписаться под принципом ортодоксального христианства и согласиться с авторитетом Библии, ортодоксальные христиане не признают их. Очевидно, для того чтобы считаться ортодоксальным христианином, далеко не достаточно просто провозгласить: “Не символ веры, но Библия!”

Пресвитерианский теолог Роберт Л. Дэбни удачно заметил еще сто лет назад: “Общеизвестно, что человеку свойственно ошибаться; не секрет также, что христиане, заявляющие о своей приверженности Писанию, понимают его по-разному; вот почему важно иметь какую-то общую позицию, придерживаясь которой, верующие могли бы совместно трудиться в мире и согласии друг с другом.” (Dabney, *Discussions: Evangelical*, 1:315). Совершенно необходимо, чтобы церковные уставы предусматривали формальное публичное засвидетельствование веры членами церкви - как действительными, так и предполагаемыми, - с тем чтобы они твердо знали, на чем стоят. В этом и состоит назначение символа веры.

Во-вторых, *символы веры служат средством обучения христиан.* Нечего и говорить, что Библию в ее полном объеме (1189 глав и более 773.000 слов!) невозможно охватить мгновенно, и не каждому христианину - хотя бы и одаренному сверх всякой меры - удастся сделать это даже за всю жизнь. И все же Церкви заповедано как Ветхим Заветом (Втор. 6:4-25), так и Новым (Мф. 28:19-20), открывать библейские истины другим людям. Этот процесс непременно начнется с обучения в первую очередь основным, избранным истинам. Тем самым истинам, которые кратко и упорядоченно изложены в символе веры.

Мы глубже и глубже постигаем Писание, читая, систематизируя, изучая его, слушая его толкование, поясняя его наглядными примерами и прилагая его к своей жизни. Пресвитерианский теолог А. А. Ходж высказался в защиту символов веры так: “Хотя... Писание дано нам Богом, понимание его - это уже задача человека. Люди обязаны дать как можно более верное толкование каждому особо взятому библейскому отрывку, а затем, согласовав его со всем, что сказано по этому поводу в Писании, свести воедино все доктрины, касающиеся различных предметов, как составные части гармоничной и

стройной системы” (Hodge, *Commentary on the Confession of Faith*, стр. 19).

Одним словом, символы веры - это не что иное, как квинтэссенция библейского учения. Они вкратце излагают его главнейшие темы, облегчая таким образом их усвоение. Признавая нужность и полезность сжатого изложения библейских истин, мы тем самым признаем и законность символов веры, поскольку они для этого и существуют. В этом смысле символы веры тем только и отличаются от проповедей по ключевым евангельским доктринам, что они более точно и тщательно сформулированы и являют собой плод размышлений многих умов. Если церковь поощряет публичное проповедование Слова или занимается изданием литературы, разъясняющей его, фактически она тем самым утверждает символ веры.

В-третьих, *символы веры* *устанавливают объективные и конкретные нормы церковной дисциплины*. Как уже было отмечено выше, любая церковь, имеющая руководителей и наставников, вправе требовать от них соответствия *неким минимальным стандартам веры*. Лозунг “Не символ веры, но Библия!” не может служить - да и не служит! - таким минимальным стандартом ни для какой церкви. Уже одно обстоятельство, что ортодоксальные церкви не допускают к участию в богослужениях приверженцев каких бы то ни было культов, свидетельствует о том, что символы веры так или иначе существуют.

Если какая-либо церковь дает то или иное толкование тому или иному отрывку из Библии, - толкование, которого должны придерживаться ее священнослужители, - это уже само по себе свидетельствует о наличии у церкви символа веры - пусть и неписаного. Однако *неписанный символ веры*, который служит нормой дисциплины в подобных обстоятельствах, является одновременно и бесчестьем, и угрозой для церкви. Гораздо более честно было бы иметь твердый, четко выраженный и открыто признаваемый стандарт веры, к которому можно было бы апеллировать в случаях, когда людей не должно допускать к участию в служении или членству в церкви, либо необходимо отстранить от служения или отлучить от церкви по обвинению в ереси.

21 ноября 1980 года в журнале “*Christianity Today*” была помещена статья, несколько в ином свете рассматривающая опасность отречения от дисциплины, положения которой заключены в символе веры. Статья рассказывала, как некое учебное заведение при церкви оказалось вовлечено в конфликт, связанный с преподаванием одним из учителей курса лекций по проблемам половых отношений. Автор публикации делает, кстати, тонкое наблюдение: “Преподавателей не обязывают приносить присягу о согласии с доктриной - и это скорее всего потому, что уже много лет существует упорная оппозиция ‘символизму’.” Именно отсутствие такой присяги и послужило причиной осложнений при попытке разрешить конфликт. Добровольное признание стандартов символа веры может быть очень действенным средством поддержания церковной дисциплины; оно помогает сохранять чистоту учения, препятствуя искажению главнейших его истин.

В-четвертых, *символы веры способствуют сохранению канонического вероучения в развивающейся церкви.* Послание Иуды призывает к христианам: “Друзья возлюбленные! Хоть и очень хотелось бы мне написать вам о нашем взаимном спасении, я считаю нужным написать вам и призвать к тому, чтобы вы боролись за веру, которую *раз и навсегда даровал Бог* народу Своему.” (Библия, СП)

Вероучение, отраженное в Писании, воплощенное в Иисусе Христе и впоследствии открытое апостолами, даровано нам Богом “*раз и навсегда.*” Оно неизменно и не может быть подвергнуто никаким изменениям. Именно эта непреложная вера должна в неприкосновенности передаваться от поколения к поколению. Символы веры превосходно служили связующим звеном для многих поколений верующих, будучи своеобразным сводом ключевых истин.

Писание непрестанно предупреждает христиан о необходимости хранить веру. В Послании к Евреям 13:9 говорится: “Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь.” Павел дает такие же указания руководителям двух ранних церквей. Он пишет Тимофею: “Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня, с верою и любовью во Христе Иисусе” (2Тим. 1:13). Титу же он разъясняет, каким должен быть пастырь: “... Держащийся истинного

слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении и противящихся обличать” (Тит. 1:9).

Несмотря на то, что люди перестали получать от Бога особое, непосредственное откровение, а книга Писания была окончательно завершена уже в первом веке, развивающейся церкви по-прежнему было необходимо толковать библейские истины и прилагать их к жизни. Толкование и применение Писания - это непрерывный процесс, а не какое-то одномоментное действие. Для того, чтобы систематизировать, свести воедино и распространить главнейшие истины, содержащиеся в Писании, потребовались усилия многих благочестивых умов, трудившихся на протяжении нескольких веков. Библейская истина не может быть истолкована с точки зрения чьего-то “личного восприятия”, и это - основополагающий принцип “символистского” богословия. Ни один толкователь Писания не трудится в одиночку. Работа каждого из них строится на основе трудов, созданных их набожными предшественниками. Недоверие вызывают не те, кто соглашается с историческими, традиционными интерпретациями и придерживаются основного направления христианской мысли. Следовало бы с большей осторожностью относиться к тем, кто измышляет новые пути, уводящие в сторону от исторического христианства. Символы веры помогают от поколения к поколению сохранять неприкосновенной самую суть христианской веры.

Апостол Павел выражал опасение, как бы иные из коринфян, поддавшись соращению, не уклонились от безоглядной верности и непорочности во Христе (2Кор. 11:3). Тем же должна быть озабочена сегодняшняя церковь, стремясь уберечь от искажения ключевые истины христианского вероучения. Подходя к символам веры с этой точки зрения, А.А. Ходж замечает: “Главный вопрос заключается не в том, что Библия - это Слово Божье, а символ веры - творение ума человеческого, - хотя многие именно так и считают, - но в разнице между испытанной и подтвержденной верой тела, которое совокупно составляет Божий народ, и личным суждением и ничем не подкрепленной мудростью ниспровергателя символов веры” (Ходж, Там же, стр. 20).

В-пятых, *символы веры свидетельствуют об истине тем, кто находится вне Церкви.* Церковь должна быть “светом миру” (Мф. 5:14) во многих отношениях. Существует множество путей, какими церковь может нести миру свет истины. Один из таких путей - хорошо составленный символ веры.

Главный вопрос, какой обязаны задавать Церкви те, кто не принадлежит к ее лону: “Во что ты веруешь?” “Несимволистская” церковь ответит: “Мы веруем в Библию”. Ответ “символистской” церкви будет более пространным: “Мы веруем в Библию, и библейское учение, которого мы придерживаемся, в сжатом виде изложено на письме, а именно...” За первым вопросом - “Во что ты веруешь?” (правильным ответом на который будет: “В Библию”) - должен последовать второй, уточняющий, вопрос: “В чем заключается библейское учение, в которое ты веруешь?”

Символы веры свидетельствуют истину тем, кто не принадлежит к сообществу связанных узами завета. Каким образом? Они кратко и точно излагают и объясняют основы христианской веры, серьезно предостерегают от неверия в евангельские истины, ревностно отстаивают их чистоту, уберегая от искажений, утверждают целостность и стройность христианского вероучения, являют последовательность и непреложность исторически сложившейся веры, подчеркивают рациональность и объективность христианских истин (опровергая тем самым заблуждение, что христианство будто бы является мистическим, слепым верованием), и так далее, и так далее.

В-шестых, *символы веры являются тем критерием, сообразуясь с которым, можно судить о новых учениях, возникающих внутри Церкви.* Вполне очевидно, что это назначение символов веры тесно связано с идеями, воплощенными в некоторых из уже названных выше функций. Но в наше время, когда столь велика склонность к созданию всевозможных культов, просто необходимо поговорить об этом назначении отдельно. Так называемые “христианские” культы особенно опасны, потому что они вербуют своих приверженцев, прикрываясь Писанием.

Случаи отступничества внутри видимой Церкви испокон веков представляли серьезную проблему. Символ веры помогает уберечься

от культовых заблуждений, предоставляя ясное толкование основных истин христианской веры. Чем более ясно, упорядоченно, сжато изложена истина, тем меньше вероятность того, что люди собьются с верного пути и завязнут в трясине обмана.

В том, что определенные устои веры хранились и поддерживались в Церкви, убеждает нас и пример апостолов. В 1 Послании Иоанна 4:1 читаем: “Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они.” И немедленно вслед за этим сказано: “всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа... не есть от Бога”. Не это ли стандарт, позволяющий судить, что верно и что неверно? Иначе говоря, не это ли - символ веры? *Кредо*, о котором только что было сказано выше, явилось в ответ на ересь докетизма, которая начала заражать Церковь и угрожающе разрасталась. Подобные предостережения можно найти в Послании к Галатам 1:8, 9; 2 Иоанна 10, в Откровении 2:2 и т.д.

Символы веры - лучшее оружие защиты от упорных нападок на Церковь - как со стороны, так и изнутри. Как удачно заметил Джеймс Баннерман, “если бы принятие исповеданий и символов веры не являлось долгом Церкви по отношению к ее же членам, оно было бы святой обязанностью Церкви по отношению к ее врагам!” (Баннерман, *Там же*, стр. 301)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы привести еще один важный библейский аргумент в защиту “символизма”. Символы веры - это бесценное средство христианского воспитания и обучения, и как таковые они никоим образом не умаляют авторитетности Писания. Можно только сокрушаться о том, что приверженцы христианских традиций в последнее время отрицают значимость символов веры. Это не только серьезная потеря с точки зрения литературно-исторической, это - немалая духовная трагедия.

Христиане-реформаты должны воспитываться в духе “символистской” теологии, чтобы защищать исторически сложившееся христианское

учение от наскоков теологов-релятивистов, экзистенциалистов, либералов и сторонников всевозможных культов, расплодившихся во множестве в наше время. Реформатские церкви могли бы приостановить упадок “символизма” как в своих рядах, так и в масштабах христианского движения в целом, предприняв для этого ряд простейших мер:

- 1) Совет старейшин должен следить за тем, чтобы принятое церковью исповедание веры распространялось среди всех прихожан, и поощрять последних к его изучению.
- 2) Программы христианского обучения в поместных приходах должны включать изучение катехизиса детьми и юношеством, что является непреходящей обязанностью церкви.
- 3) Для тех, кто желает стать членами Реформатской церкви, должны быть организованы особые занятия, в ходе которых людей необходимо хотя бы вкратце ознакомить с положениями исповедания веры.
- 4) Служители церкви и учителя воскресной школы должны разъяснять положения вероисповедания в процессе обучения, а также обращаться к вероисповедным документам для иллюстрирования своих уроков.